

Морской волк. Бог его отцов

«Морской волк» - одно из наиболее резонансных творений писателя. Вольф Ларсен - человек, выживший и преуспевший в жестоком и беспощадном мире морских охотников, где нет места любви. Поэтому самым пикантным и интригующим моментом романа становится появление в грубом мужском обществе обаятельной женщины.

Также в книге вы найдете лучшие рассказы из сборника «Бог его отцов».

ДЖЕК ЛОНДОН

МОРСКОЙ ВОЛК

*

БОГ ЕГО ОТЦОВ

Джек Лондон

Морской волк. Бог его отцов

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2011

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», предисловие и художественное оформление, 2007, 2011

ISBN 978-966-14-2524-7 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Лондон Дж.

Л76 Морской волк. Бог его отцов: Пер. с англ. — Харьков: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»; Белгород: ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2007. — 416 с.

ISBN 978-966-343-754-5 (Украина, т. 2).

ISBN 978-966-343-752-1.

ISBN 978-5-9910-0152-6 (Россия, т. 2).

ISBN 978-5-9910-0170-0.

В новый том собрания сочинений Джека Лондона вошел знаменитый роман «Морской волк». Морской волк Ларсен интересен как конкретно-исторический тип личности на переломе веков, появившийся в американской культуре и великолепно воплощенный писателем. Вторая часть сборника — рассказы из цикла «Бог его отцов». Читатель познакомится с индейской культурой, ее традиционными понятиями чести и долга. Заметное место в рассказах автор отводит сложному и порой противоречивому женскому характеру.

У новий том зібрання творів Джека Лондона увійшов знаменитий роман «Морський вовк». Морський вовк Ларсен цікавий як конкретно-історичний тип особистості на зламі століть, що з'явився в американській культурі і був чудово втілений письменником. Друга частина збірки — оповідання з циклу «Бог його батьків». Читач ознайомиться з індіанською культурою, її традиційними поняттями честі та обов'язку. Помітне місце в оповіданнях автор відводить складному, а іноді суперечливому жіночому характеру.

ББК 84.7США

Морской волк

ГЛАВА I

Не знаю, право, с чего начать, хотя иногда, в шутку, я сваливаю всю вину на Чарли Фэрасета. У него была дача в Мидл-Вэллей, под сенью горы Тамальпе, но он проводил там время только в зимние месяцы, когда читал Ницше и Шопенгауэра, чтобы дать отдых своему мозгу. Когда наступало лето, он предпочитал страдать от жары и пыли в городе и работать не покладая рук. Не будь у меня привычки навещать его каждую субботу и оставаться у него до утра понедельника, я не очутился бы именно в это утро январского понедельника на водах бухты Сан-Франциско.

Нельзя сказать, что «Мартинес» представлял собой надежное судно — это был новый маленький пароходик, совершавший свой четвертый или пятый рейс между Саусалито и Сан-Франциско. Опасность грозила со стороны покрывавшего всю бухту тяжелого тумана, хотя я, как человек сухопутный, почти не догадывался об этом. Я хорошо помню, как спокойно и радостно расположился на верхней передней палубе, под самой рубкой рулевого и любовался таинственными клубами этого тумана, овладевшего моим воображением. Дул свежий бриз, и некоторое время я был один среди сырости и мрака — впрочем, и не совсем один, так как смутно сознавал присутствие рулевого и еще кого-то, по-видимому капитана, в стеклянной будке над своей головой.

Помню, я размышлял о том, как хорошо, что благодаря разделению труда я не обязан изучать туманы, ветры, приливы и всю морскую науку, если хочу навестить друга, живущего по ту сторону залива. Хорошо, что существуют специалисты, — думал я. Рулевой и капитан с их профессиональными знаниями обслуживают тысячи людей, знающих о море и мореплавании не больше моего. Вместо того чтобы отдавать свою энергию изучению множества вещей, я сосредоточиваю ее на немногих специальных вопросах, например на выяснении вопроса о месте, занимаемом Эдгаром По в американской литературе. Кстати, моя статья об этом напечатана в последнем номере «Атлантика». Проходя после посадки через каюту, я с удовольствием

заметил какого-то плотного джентльмена, читавшего номер «Атлантика», раскрытый как раз на моей статье. В этом опять сказывалось разделение труда: специальные знания рулевого и капитана давали плотному джентльмену возможность читать плоды моих специальных знаний о По и в то же время безопасно переправляться из Саусалито в Сан-Франциско.

Какой-то краснолицый человек, хлопнув дверью каюты за моей спиной и выбравшись на палубу, прервал мои размышления, и я успел только мысленно зафиксировать тему своей будущей статьи, которую мне захотелось назвать «Необходимость свободы. Слово в защиту художника». Краснолицый человек взглянул на рулевую рубку, посмотрел на окружающий туман, проковылял взад и вперед по палубе — очевидно, у него были протезы — и остановился рядом со мной, широко расставив ноги и с выражением полного блаженства на лице. Я оказался прав, когда решил, что он провел свою жизнь на море.

— От такой погоды волосы могут посесть, — сказал он, кивая в сторону рулевой рубки.

— Мне кажется, что особых затруднений нет, — ответил я. — Дело капитана просто, как дважды два — четыре. Компас дает ему направление; расстояние и скорость также известны. Тут простая математическая достоверность.

— Затруднения! — проворчал мой собеседник. — Просто, как дважды два — четыре! Математическая достоверность! — Глядя на меня, он как будто искал для себя точку опоры.

— А что вы скажете об отливе, стремящемся сквозь Золотые Ворота? — спросил или, вернее, пролаял он. — Быстро ли падает вода? Какие возникают течения? Прислушайтесь-ка, что это? Мы лезем прямо на колокольный буй! Видите, они меняют курс.

Из тумана донеслись заунывные удары колокола, и я увидел, как рулевой быстро стал крутить колесо. Колокол, находившийся, казалось, впереди, звучал теперь сбоку. Слышался хриплый гудок нашего пароходика, и время от времени из тумана доносились другие гудки.

— Это тоже пассажирские пароходы, — заметил краснолицый человек, указывая вправо, в сторону последнего гудка. — А это! Слышите? Просто рупор. Верно, какая-нибудь плоскодонная шхуна. Эй, не зевайте там, на шхуне!

Невидимый пароходик гудел без конца, и рупор вторил ему, казалось, в страшном смятении.

— Вот теперь они обменялись любезностями и стараются благополучно разойтись, — продолжал краснолицый человек, когда тревожные гудки прекратились.

Его лицо сияло и глаза горели восхищением, когда он разъяснял мне, о чем кричат друг другу сирены и рожки.

— Вот теперь слева проходит паровая сирена, а слышите, вон там кричит какая-то паровая шхуна, как будто лягушка квакает. Она, кажется, очень близко и ползет навстречу отливу.

Резкий звук неистовствовавшего, как сумасшедший, свистка раздался где-то совсем близко впереди. На «Мартинесе» ему ответили ударами гонга. Колеса нашего парохода остановились, их пульсирующие удары замерли, но вскоре возобновились. Свисток, напоминавший стрекотанье кузнечика среди голосов крупных животных, пронизывал туман, отклоняясь все больше в сторону и быстро ослабевая. Я вопросительно посмотрел на своего спутника.

— Какой-то отчаянный баркас, — пояснил он. — Прямо перед нами, стоило бы потопить его! От них бывает много бед, а кому они нужны? Какой-нибудь осел заберется на такую посудину и носится, сам не зная зачем, надрывая свисток и заставляя всех на свете волноваться! Скажите пожалуйста, важная птица! А вам приходится из-за него смотреть в оба! Право свободного пути! Необходимая порядочность! Они не отдают себе отчета во всем этом!

Этот ничем не оправдываемый гнев очень позабавил меня, и пока мой собеседник возмущенно ковылял взад и вперед, я снова отдался романтическому обаянию тумана. Да, в этом тумане, несомненно, была романтика.словно серая тень неизмеримой тайны, повис он над бурлящим кусочком земного шара. А люди, эти сверкающие атомы, гонимые ненасытной жаждой деятельности, мчались на своих деревянных и стальных конях сквозь самое сердце тайны, ощупью находя свой путь в незримом и беседовали с напускным спокойствием, в то время как их души дрожали от неуверенности и страха.

Голос моего спутника вернул меня к действительности и заставил усмехнуться. Ведь я сам блуждал ощупью, тогда как думал, что мчусь уверенно сквозь тайну.

— Эге! Кто-то идет нам навстречу, — сказал он. — Слышите, слышите? Он быстро приближается. Идет прямо на нас. Кажется, он еще не услышал нас. Ветер относит.

Свежий бриз дул прямо в нашу сторону, и я ясно слышал свисток сбоку и немного впереди нас.

— Тоже пассажирский? — спросил я.

Краснолицый человек кивнул и добавил:

— Да, иначе он не несся бы так, сломя голову. Гм, наши там забеспокоились!

Я посмотрел вверх. Капитан высунул голову и плечи из рулевой рубки и напряженно всматривался в туман, будто стремясь силой своей воли проникнуть сквозь него. Лицо его отражало тревогу, как и лицо моего спутника, который проковылял к перилам и внимательно смотрел в сторону невидимой опасности.

Все произошло с непостижимой быстротой. Туман раздался в стороны, будто разрезанный лезвием, и показался нос парохода, тащивший за собой клочья тумана, словно водоросли на морде Левиафана. Я разглядел рулевую рубку и высунувшегося из нее белобородого старика. Он был одет в синюю форму, и я помню, с каким непоколебимым спокойствием он держался. Его спокойствие при этих обстоятельствах было ужасно. Он подчинился судьбе, шел рука об руку с нею и холодно измерял удар. Он смотрел на нас, как бы рассчитывая точку, где должно произойти столкновение, и не обратил никакого внимания на яростный окрик нашего рулевого: «Вы сделали свое дело!»

Оглядываясь в прошлое, я вижу, что фраза рулевого, по всей очевидности, и не требовала ответа.

— Держитесь за что-нибудь, — сказал мне краснолицый человек.

Его жизнерадостность слетела с него, и, по-видимому, он заразился тем же сверхъестественным спокойствием.

— Послушайте, как женщины будут визжать, — сердито, почти злобно сказал он, как будто ему уже раньше приходилось это наблюдать.

Суда столкнулись прежде, чем я успел воспользоваться его советом. По-видимому, встречный пароход ударил нас в середину борта, хотя я этого не видел. Это было вне поля моего зрения. «Мартинеса» сильно качнуло, и послышался треск ломающегося

дерева. Я упал плашмя на мокрую палубу и не успел еще подняться на ноги, как услышал крик женщин. Это был неопиcуемый, душераздирающий вопль, наполнивший меня ужасом. Я вспомнил, что спасательные пояса лежат в каюте, но у дверей столкнулся с толпой обезумевших пассажиров. Не помню, что произошло в ближайшие минуты, но перед моими глазами сохранилась картина, как снимали спасательные пояса с высоких полок над головой и как краснолицый человек обвязывал ими нескольких бившихся в истерике женщин. Как сейчас, вижу я зазубренные края пробоины в стене каюты и вползавший в это отверстие серый туман; пустые мягкие сиденья с разбросанными на них свидетельствами внезапного бегства — пакетами, саквояжами, зонтиками и пледами; плотного джентльмена, читавшего мою статью, а теперь упакованного в пробку и парусину, — журнал все еще был у него в руке, и он с монотонной настойчивостью спрашивал меня, есть ли, по моему мнению, опасность; краснолицего человека, бодро ковылявшего на искусственных ногах и снабжавшего поясами всех вновь прибывавших, и, наконец, визжащий бедлам женщин.

Да, визг женщин больше всего действовал мне на нервы. Повидимому, от него страдали и нервы краснолицего человека, ибо я помню еще другую картину, которая никогда не изгладится из моей памяти: плотный джентльмен засовывает журнал в карман пальто и с любопытством озирается кругом; перепутавшаяся толпа женщин, с вытянутыми бледными лицами, рыдает, словно хор потерянных душ, а краснолицый человек, с лицом, теперь уже совсем багровым от гнева, и с поднятыми над головой руками, из которых, казалось, сейчас посыплются молнии, громовым голосом орет:

— Молчать! Молчать, говорят вам!

Эта сцена вызвала во мне внезапный смех, но через минуту я понял, что сам впал в истерику; ведь передо мной были женщины моего круга, женщины, похожие на мою мать и сестер, охваченные страхом грозившей им смерти и не желавшие умирать. Я помню, что их голоса напомнили мне визг свиней под ножом мясника, и реальность этого сравнения поразила меня ужасом. Эти женщины, способные на самые высокие чувства, на самую нежную симпатию, вопили, разинув рты. Они хотели жить, они были беспомощны, как крысы в крысоловке, и визжали изо всех сил.

Ужас этого зрелища выгнал меня на палубу. Я испытывал слабость и отвращение и опустился на скамью. Смутно видел я метавшихся людей и слышал их крики при попытках спустить шлюпки. Блоки застревали. Все было в неисправности. Одну шлюпку спустили, забыв вставить пробку; когда женщины и дети сели в нее, она наполнилась водой и перевернулась. Другую шлюпку удалось спустить только одним концом, и другим концом она все еще болталась на таях. А парохода, вызвавшего все это несчастье, и след простыл, но кругом говорили, что он, несомненно, вышлет спасательные шлюпки.

Я спустился на нижнюю палубу. Очевидно, «Мартинес» быстро погружался, так как вода была уже очень близко. Многие пассажиры бросались за борт. Другие просили из воды, чтобы их взяли обратно наверх. Никто не слушал их. Поднялся общий крик: «Тонем!» Я был захвачен возникшей паникой и бросился в воду среди множества других падавших в море тел. Я и сам не знал, как я это сделал, но зато мгновенно понял, почему находившиеся в воде так жаждали вернуться на пароход. Вода была холодна — холодна до боли. Когда я нырнул, меня обожгло, как огнем. Холод пронизывал меня до костей, словно рука смерти уже схватила меня. Я захлебывался от неожиданности и страха и успел набрать полные легкие воды прежде, чем спасательный пояс снова поднял меня на поверхность. Вкус соли наполнял горечью мой рот, и я задыхался от ощущения чего-то едкого, проникшего мне в горло и в легкие.

Но особенно ужасен был холод. Я чувствовал, что не выживу больше нескольких минут. Вокруг меня в воде барахтались люди. Я слышал, как они что-то кричали друг другу. Я слышал также звук весел. Очевидно, встречный пароход спускал шлюпки. Время шло, и я удивлялся, что все еще жив. Но нижняя половина моего тела утратила чувствительность, и холодное онемение подступало к самому сердцу. Мелкие волны с сердито пенящимися хребтами опрокидывались на меня, забирались в рот и заставляли задыхаться.

Постепенно звуки стали менее отчетливыми, но вдруг я услышал вдали последний отчаянный вопль и понял, что «Мартинес» пошел ко дну. Потом — не знаю, насколько позже это было — я очнулся с новым приливом ужаса. Я был один. Я не слышал больше призывных криков — только шум волн, которому туман придавал какую-то таинственную, дрожащую звучность. Паника, охватывающая человека,

когда он в толпе, не так ужасна, как паника, переживаемая наедине. Куда волны несли меня? Краснолицый человек говорил, что отлив уходит через Золотые Ворота. Неужели меня унесет в открытое море? А мой спасательный пояс — не развалится ли он в любую минуту? Я слышал, что они иногда делаются из папки и тростника, и тогда, напившись водой, быстро теряют свою плавучесть. А ведь я совсем не умел плавать. Я был один и плыл неведомо куда, среди беспредельной серой пустыни. Признаюсь, что мною овладело безумие, я кричал, как кричали женщины, и бил по воде своими окоченевшими руками.

Я не имею понятия о том, долго ли это продолжалось. Потом я впал в забытие и об этом времени вспоминаю только как о тяжелом, полном кошмаров сне. Когда я очнулся, казалось, прошли века. Почти над собой я увидел выступавший из тумана нос судна и три треугольных паруса, заходящих один за другой и вздуваемых ветром. Там, где нос разрезал воду, она пенилась и клокотала, и я был как раз на этом пути. Я хотел крикнуть, но у меня не было сил. Нос судна промчался вплотную мимо меня, окатив потоком воды. Мимо меня скользил длинный черный борт судна — так близко, что я мог бы прикоснуться к нему руками. Я сделал попытку ухватиться за него, готов был впиться в дерево ногтями, но руки мои были тяжелы и безжизненны. Я снова попытался крикнуть, но голос изменил мне.

Вот промчалась и корма судна, как будто погруженная в провал между волнами. Мельком я увидел человека у руля и другого, который спокойно курил сигару. Я видел дым, поднимавшийся у него изо рта, когда он медленно повернул голову и скользнул взглядом по воде в мою сторону. Это был случайный, рассеянный взгляд — одно из тех движений, которые люди машинально делают, когда они ничем не заняты.

Но жизнь и смерть были в этом взгляде. Я видел, как туман снова поглотил судно. Я видел спину рулевого и голову другого человека, когда он повернулся и посмотрел на воду. Видимо, он сосредоточенно о чем-то думал, и мне казалось, что, если его взгляд упадет на меня, он все равно меня не заметит. Но его глаза внезапно блеснули и встретились с моими. Он увидел меня, потому что прыгнул к штурвалу и, оттолкнув рулевого, сам стал быстро крутить колесо, перебирая по нему руками и в то же время выкрикивая какую-то команду. Судно

начало отклоняться от своего прежнего курса, но почти в тот же миг скрылось в тумане.

Я почувствовал, что снова впадаю в беспамятство, и из последних сил боролся с душившими меня пустотой и мраком. Вскоре я услышал быстро приближавшийся плеск весел и человеческий голос. Когда он был уже совсем рядом, раздался сердитый окрик:

— Что же вы молчите, черт вас возьми?

Это относится ко мне, подумал я, но тут пустота и мрак одолели меня.

ГЛАВА II

Мне казалось, что какой-то мощный ритм колыхает меня и несет в мировой пустоте. Мерцающие искорки вспыхивали и пролетали мимо. Я догадывался, что это звезды и огненные кометы, сопровождающие мой полет. Когда в своем качании я достиг вершины и готов был уже опуститься в глубину, где-то загремел громадный гонг. Неизмеримо долго, целые века, наслаждался я своим исполинским полетом среди этого безмятежного колыхания.

Но сон мой начал меняться. Ритм становился все короче и короче. Меня начало толкать из стороны в сторону с неприятной быстротой. Я едва переводил дух, с такой стремительностью мчался я сквозь небеса. Гонг грохотал все чаще и яростнее. Я ждал его звука с невыразимым ужасом. Потом мне казалось, что меня тащат по хрустящему песку, белому и раскаленному солнцем. Мною овладело чувство невыразимой тоски. Мою кожу опалял огонь. Гонг гудел, как похоронный колокол. Сверкающие точки мчались мимо меня бесконечным потоком, как будто все звездные системы провалились в пустоту. Я вздохнул, мучительно перевел дыхание и открыл глаза. Два человека, стоя на коленях, хлопотали надо мной. То, что казалось мне могучим ритмом, было покачиванием судна на волнах. Ужасный гонг оказался висевшей на стене сковородой, которая брэнчала и дребезжала при каждом наклоне судна. Хрустящий, палящий песок был ничем иным, как жесткими ладонями человека, растиравшего мою обнаженную грудь. Я застонал от боли и приподнял голову. Моя грудь стала шероховатой и красной, и я увидел мелкие капельки крови, проступившие сквозь воспаленную кожу.

— Хватит, Ионсон, — произнес один из двоих. — Разве вы не видите, что совсем содрали с молодчика кожу?

Тот, кого называли Ионсоном, человек тяжелого скандинавского типа, перестал растирать меня и неуклюже поднялся на ноги. У говорившего с ним — судя по выговору, лондонского кокни — были мелкие, почти женственные черты лица. Грязноватый полотняный колпак на его голове и не менее грязный передник на тощих бедрах

изобличали в нем кока несомненно грязного судового камбуза, в которой я оказался.

— Ну, как вы себя чувствуете, сэр? — спросил он с угодливой улыбкой, достающейся лишь в наследство от целых поколений получавших на чай предков.

Вместо ответа я с усилием привел себя в сидячее положение и затем, при помощи Ионсона, встал на ноги. Лязг и дребезжание сковороды ужасно действовало мне на нервы. Я не мог собраться с мыслями. Ухватившись за стенку, грязь которой заставила меня стиснуть зубы от отвращения, я потянулся через горячую плиту к надоедливой посудине, снял ее с гвоздя и положил в ящик с углем.

Кок ухмыльнулся при таком проявлении моей нервности. Он сунул мне в руку дымящуюся кружку с какой-то бурдой и сказал:

— Выпейте, вам полезно!

Это был отвратительный отвар, напоминавший кофе, но он согрел и оживил меня. Прихлебывая этот напиток, я рассматривал свою разодранную и окровавленную грудь и потом перевел взгляд на скандинава.

— Благодарю вас, мистер Ионсон, — сказал я. — Но не думаете ли вы, что предприняли слишком героические меры?

Скорее по моим жестам, чем по моим словам, он понял упрек и показал мне свою ладонь. Это была необыкновенно мозолистая рука. Я провел пальцами по ее роговым выступам, и мои зубы снова сжались от ужасного ощущения шероховатости.

— Меня зовут Джонсон, а не Ионсон, — сказал он, хоть и медленно, на очень хорошем английском языке с почти незаметным акцентом.

В его бледно-голубых глазах светился кроткий протест и в то же время робкая откровенность и мужественность, сразу расположившие меня к нему.

— Благодарю вас, мистер Джонсон, — поправился я и протянул ему руку.

Он медлил и в неуклюжем смущении переминался с ноги на ногу. Но потом решительно схватил мою руку и сердечно пожал ее.

— Нет ли у вас какого-нибудь сухого платья для меня? — спросил я кока.

— Есть, сэр, — радостно и весело отозвался тот. — Я сбегаяю вниз и поищу, если вы, сэр, не побрезгуете надеть мои вещи.

Он вышел или, вернее, выскользнул из дверей с проворством и увертливостью движений, в которых мне почудилось что-то кошачье. Эта скользкость и увертливость оказались, как я впоследствии убедился, самыми характерными его чертами.

— Где это я? — спросил я Джонсона, в котором не без основания предположил одного из матросов. — Что это за судно и куда оно идет?

— Вы — около Фараллонских Островов, на юго-запад от них, — медленно ответил он, как будто стараясь говорить по-английски как можно лучше и строго следуя порядку моих вопросов. — Это шхуна «Призрак», которая идет бить котиков у берегов Японии.

— А как зовут капитана? Мне необходимо повидаться с ним, как только оденусь.

На лице Джонсона отразилось крайнее смущение. Он долго возился, пока подобрал в своем словаре полный ответ.

— Капитан Вольф Ларсен — так люди называют его. Я никогда не слышал его настоящего имени. Но советую вам говорить с ним поосторожнее. Он сегодня бешеный. Штурман...

Он не окончил фразы, так как в камбуз нырнул кок.

— Убирайтесь-ка лучше отсюда, Ионсон, — сказал он. — Капитан потребует вас на палубу, а сегодня не такой день, чтобы ссориться с ним.

Джонсон послушно направился к двери, но через плечо кока кивнул мне с необычайной серьезностью и значительностью, будто хотел подчеркнуть свое прерванное замечание и внушить мне необходимость быть осторожным в разговоре с капитаном.

На руке у кока висела кучка жалкой на вид и дурно пахнувшей одежды.

— Я снял эти вещи сырыми, сэр, — объяснил кок. — Но вам придется довольствоваться ими, пока я высушу ваши над огнем.

Цепляясь за переборки и спотыкаясь от качки судна, я с помощью кока облачился в грубую шерстяную фуфайку и невольно поежился от прикосновения грубой ткани. Кок, заметив гримасу на моем лице, приветливо улыбнулся мне.

— Надеюсь, вам не придется привыкать к подобной одежде. У вас такая нежная кожа, словно у какой-нибудь леди. Я сразу же, как только

увидел вас, не сомневался, что вы джентльмен.

Я с первого момента невзлюбил этого человека, и пока он помогал мне одеться, моя неприязнь к нему еще более возросла. Его прикосновения внушали мне гадливость. Я старался отодвигаться от его руки и вздрагивал, когда он дотрагивался до меня. Это неприятное чувство и запахи, поднимавшиеся из кипевших и бурливших на плите кастрюль, заставили меня ускорить одевание, чтобы поскорее выбраться на свежий воздух. Ведь мне нужно было поговорить с капитаном о доставке меня на берег.

Дешевая бумажная рубашка, с разодранным воротом и подозрительными пятнами на груди, которые я принял за кровь, была надета на меня среди целого потока извинений и пояснений. На ноги я натянул пару грубых башмаков, затем надел голубой выцветший рабочий костюм, причем одна штанина оказалась дюймов на десять короче другой.

— Кому же я обязан этой любезностью? — спросил я, окончательно нарядившись. На голове у меня красовалась шапка юнги, а курткой служил грязный полосатый бумазейный жакет, оканчивавшийся у талии и с рукавами до локтей...

Кок скромно выпрямился, и заискивающая улыбка расплылась по его лицу. Основываясь на моем опыте общения с прислугой на атлантических пароходах, я мог бы поклясться, что он ожидает подачки. Мое дальнейшее знакомство с этим субъектом показало мне, что эта поза у него автоматическая. Видимо, это у него было наследственным.

— Мэгридж, сэр, — раболепно улыбаясь, пробормотал он. — Томас Мэгридж, сэр. К вашим услугам.

— Ладно, Томас, — сказал я. — Я не забуду вас, когда высохнет мое платье.

Его лицо просияло и глаза заблестели, как будто где-то в глубине его существа зашевелились его предки, смутно вспоминая о чаевых, полученных в прежних жизнях.

— Благодарю вас, сэр, — произнес он с большой благодарностью и с почти искренним смирением.

Когда я раздвинул дверь, он тоже скользнул в сторону и пропустил меня на палубу. Я был еще очень слаб от долгого пребывания в воде.

Встреченный порывом ветра, я, пройдя два шага по качающейся палубе, вынужден был ухватиться за угол каюты. Сильно накренившись, шхуна скользила вверх и вниз по длинной тихоокеанской волне. Если, как говорил Джонсон, шхуна шла на юго-запад, то ветер должен был дуть приблизительно с юга. Туман рассеялся, и солнце искристыми чешуйками играло на поверхности воды. Я повернулся к востоку, где должна была лежать Калифорния, но не увидел ничего, кроме плоских полос низко стлавшегося тумана, несомненно того самого, из-за которого потерпел крушение «Мартинес», а я оказался в моем теперешнем положении. К северу, не особенно далеко от нас, из моря торчала группа голых скал, и на одной из них я различил маяк. К юго-западу, почти в направлении нашего курса, я увидел пирамидальные очертания парусов.

Закончив обзор горизонта, я перевел взгляд на более близкие предметы. Моей первой мыслью было, что человек, пострадавший при столкновении пароходов и бывший на волосок от смерти, заслуживал несколько большего внимания. Кроме рулевого, который через крышу каюты с любопытством поглядывал на меня, никто не поинтересовался моей особой.

Казалось, все были заняты тем, что происходило посреди палубы. Там, возле люка, лежал на спине какой-то мужчина. Рубашка на его груди, поросшей густыми черными, похожими на шерсть волосами, была разодрана. Лицо и шею покрывала черная с проседью борода, которая выглядела бы пышной и пушистой, если бы не сбилась в клочья и с нее не капала вода. Глаза этого человека были закрыты — он, очевидно, был без сознания. Но грудь тяжело вздымалась; он с шумом вбирал в себя воздух, широко раскрыв рот, борясь с удушьем. Матрос спокойно и методично спускал в океан на веревке парусиновое ведро, потом вытягивал его и окатывал лежавшего на палубе.

Мимо люка взад и вперед расхаживал, сердито жуя конец сигары, тот самый человек, случайный взгляд которого спас меня. Ростом он был не меньше пяти футов и десяти дюймов, но прежде всего мне бросился в глаза не его рост, а производимое им впечатление силы. Он был крепкого телосложения, с широкими плечами и грудью, но я не назвал бы его тяжеловесным. Это была жилистая, узловатая сила, какая обычно свойственна нервным и худощавым людям, и этому огромному человеку она придавала некоторое сходство с гориллой. Но

в этой силе было что-то независимое от физической внешности. Такого рода мощь мы приписываем первобытным существам, диким зверям, нашим воображаемым, жившим на деревьях предкам — мощь грозную, свирепую, заключающую в себе стихийный жизненный элемент, претворенный в различные формы живых созданий; короче говоря — ту живучесть, которая заставляет змею извиваться, когда у нее отрубят голову, и которая таится в бесформенном комке мяса черепахи, содрогающемся при прикосновении пальца.

Таково было мое впечатление от ходившего по палубе человека. Он твердо стоял на ногах; ступал твердо и уверенно; каждое движение его мускулов, манера пожимать плечами и стискивать губами сигару — все было полно решимости и казалось проявлением избыточной, бьющей через край силы. Но за этой внешней силой чувствовалась другая, дремлющая внутри, но способная в любой миг грозно проснуться, как просыпается ярость льва и бешенство урагана.

Кок высунул голову из двери камбуза и ободряюще улыбнулся мне, указывая пальцем на человека, прогуливавшегося около люка. Таким образом я узнал, что это капитан, тот человек, которого я должен был побеспокоить просьбой доставить меня как-нибудь на берег. Я двинулся было вперед, зная, что мне придется пережить несколько бурных минут, но в этот миг новый сильный приступ удушья охватил несчастного, лежавшего на палубе. Он начал корчиться в судорогах. Подбородок с мокрой черной бородой приподнялся, спинные мускулы напряглись, и грудь вздулась в бессознательном усилии набрать побольше воздуха. Я чувствовал, хотя и не мог этого видеть, что под его бакенбардами кожа принимает багровый оттенок.

Капитан, или Вольф Ларсен, как его называли окружающие, остановился и посмотрел на умирающего. При виде этой последней, отчаянной борьбы матрос перестал лить воду и с любопытством уставился на лежавшего на палубе. Парусиновое ведро опрокинулось, и из него вытекла вода. Умиравший судорожно бил каблуками по крышке люка, потом его ноги вытянулись и застыли, а голова еще продолжала мотаться из стороны в сторону. Но вот мускулы ослабли, голова успокоилась и вздох, казавшийся вздохом глубокого облегчения, сорвался с его губ. Подбородок упал, верхняя губа приподнялась и обнажила два ряда пожелтевших от табака зубов.

Казалось, его черты застыли в дьявольской насмешке над миром, который он перехитрил покидая.

Тут произошло нечто совершенно неожиданное. Капитан, как гром, обрушился на мертвеца. Ругань непрерывным потоком хлынула из его уст. И это не был просто неприличный способ выражения. В каждом слове было кощунство, а слов таких было много. Они хлопали и трещали, как электрические искры. Я в жизни не слышал ничего подобного. Обладая сам литературной жилкой и питая пристрастие к сочным словцам и оборотам, я мог, как никто другой, оценить своеобразную живость, красочность и в то же время невероятную кощунственность его метафор. Насколько я мог понять, причина всего этого заключалась в том, что умерший — это был штурман — закутил перед уходом из Сан-Франциско, а потом имел неделикатность умереть в самом начале рейса и оставить Вольфа Ларсена без помощника.

Излишне упоминать, по крайней мере перед моими друзьями, что я был шокирован. Ругательств и всякого сквернословия я всегда не переносил. У меня начало сосать под ложечкой, и я испытывал почти тошноту. Для меня смерть всегда была сопряжена с торжественностью и благоговением, она была тиха и священна. Но смерть в таком грязном и отталкивающем виде была до сих пор совершенно незнакома мне. Как я говорю, оценивая выразительность изрыгаемых Вольфом Ларсеном проклятий, я был ими чрезвычайно шокирован. Их палящий поток, казалось, мог сжечь лицо трупа. Я несколько не удивился бы, если бы мокрая черная борода начала завиваться колечками и вспыхнула с дымом и пламенем. Но мертвому до всего этого не было дела. Он продолжал сардонически усмехаться. Он был хозяином положения.

ГЛАВА III

Вольф Ларсен перестал ругаться так же внезапно, как начал. Он снова зажег свою сигару и оглянулся кругом. Взор его упал на Мэгриджа.

— А, кок? — начал он с ласковостью, в которой чувствовались холод и твердость стали.

— Да, сэр, — угодливым и извиняющимся тоном отозвался тот.

— Вы не боитесь, что так вытянете себе шею? Это, знаете ли, нездорово. Штурман умер, и я не могу потерять еще и вас. Вы должны очень беречь свое здоровье, кок. Поняли?

Его последнее слово, в противоположность плавности всей предыдущей речи, щелкнуло резко, как удар бича. Кок съежился.

— Да, сэр, — послышался его робкий ответ, и раздражавшая капитана голова исчезла в камбузе.

При этом разносе, касавшемся, собственно, только кока, остальной экипаж перестал интересоваться умершим и занялся своим делом. Но несколько человек остались в проходе между камбузом и люком и продолжали тихонько беседовать между собой. По-видимому, это были не матросы. Как я впоследствии узнал, это были охотники на котиков, считавшие себя несравненно выше простых матросов.

— Иогансен! — позвал Вольф Ларсен. Один из матросов тотчас приблизился. — Возьмите наперсток и иглу и зашейте этого бродягу. Вы найдете старую парусину в ящике. Ступайте.

— Что на ноги, сэр? — спросил матрос.

— Сейчас устроим это, — ответил Ларсен и громко кликнул кока.

Томас Мэгридж, как Петрушка, выскочил из камбуза.

— Ступайте вниз и принесите мешок угля.

— Есть у кого-нибудь Библия или молитвенник? — послышалось новое требование капитана, обращенное на этот раз к группе охотников.

Они покачали головами, и один из них ответил не расслышанной мною шуткой, которая была встречена общим смехом.

Капитан обратился с тем же к матросам. Библия и молитвенники были здесь, по-видимому, лишними предметами, но один из людей предложил опросить спасенных. Однако через минуту он вернулся с пустыми руками.

Капитан пожал плечами.

— Тогда придется опустить его без болтовни. Разве что выловленный нами молодчик знает похоронную службу наизусть. У него ведь поповский вид.

При этих словах он круто повернулся лицом ко мне.

— Вы не пастор? — спросил он.

Охотники — их было шестеро — как один обернулись в мою сторону. Я болезненно ощутил свое сходство с вороньим пугалом. Я услышал вызванный моим видом хохот, несколько не смягченный и не заглушенный присутствием покойника, простертого на палубе перед нами; хохот гулкий, грубый и откровенный, как само море, служивший выражением грубых чувств людей, которые не имели представления о вежливости и деликатности.

Вольф Ларсен не смеялся, хотя в его серых глазах мелькали искорки удовольствия. Подойдя к нему ближе, я впервые получил впечатление от самого человека, независимо от его тела и потока ругательств, которые я от него слышал. Лицо, несколько квадратное, с крупными чертами и резкими линиями, на первый взгляд казалось массивным. Но эта массивность куда-то отступала и создавалось впечатление ужасной, сокрушающей умственной или духовной силы, таившейся где-то в недрах его существа. Челюсть и подбородок, высокий, тяжело выдававшийся над глазами лоб — все эти черты сильные, даже необычайно сильные сами по себе, казалось, говорили о неизмеримых энергии и мужестве, скрытых где-то вне поля зрения. Такой дух не измерить, не определить его границ, и его нельзя отнести в какую-нибудь установленную рубрику.

Глаза — мне было суждено хорошо узнать их — были большие и красивые, широко расставленные, как это бывает у настоящих художников, осененные густыми черными бровями. Цвет их принимал бесчисленное множество оттенков, как переливчатый шелк на солнечном свете. Они были то серыми, темными или светлыми, то серовато-зелеными, то принимали лазурную окраску глубокого моря. За этими глазами скрывалась многообразная душа, и в редкие

мгновения она проглядывала, как будто впивая мир в неиссякаемой жажде приключений. Эти глаза могли хмуриться, как безнадежное свинцовое небо; могли метать искры, подобные сверканию меча; могли окутывать холодом, как полярный ландшафт, и могли становиться теплыми и нежными. В них могли зажигаться любовные огни, яркие и мужественные, притягивающие и властные, огни, которые и очаровывают, и покоряют женщин, и заставляют их отдаваться в упоении, с чувством радостной жертвы.

Но вернемся к рассказу. Я сказал капитану, что я не пастор и, к сожалению, не могу быть полезен для похоронной службы. Но он бесцеремонно перебил меня:

— Чем вы живете?

Признаюсь, что ко мне никогда еще не обращались с таким вопросом, да и сам я не задумывался над ним. Я опешил и, не успев еще прийти в себя, довольно глупо пробормотал:

— Я... я — джентльмен.

По губам капитана скользнула быстрая усмешка.

— У меня есть занятие, я работаю, — запальчиво вскричал я, как будто передо мною были мои судьи и я должен был просить их об оправдании. В то же время я все яснее сознавал, как глупо с моей стороны вообще пускаться в объяснения по этому вопросу.

— Сами ли вы зарабатываете себе на жизнь?

В этом вопросе была такая властность и такое превосходство, что я растерялся, словно школьник перед строгим учителем.

— Кто вас кормит? — последовал новый вопрос.

— У меня есть постоянный доход, — с достоинством ответил я, но в тот же миг готов был откусить себе язык. — Все это, простите меня, не имеет никакого отношения к тому, о чем я хотел бы переговорить с вами.

Но капитан не обратил внимания на мой протест.

— Кто заработал эти средства? А?.. Ну, я так и думал. Ваш отец. Вы стоите на ногах умерших людей и никогда не стояли на своих собственных. Вы не могли бы прожить самостоятельно от восхода до восхода солнца и не сумели бы раздобыть себе чем наполнить брюхо. Покажите вашу руку.

Прежде чем я опомнился, он подошел ко мне и схватил меня за правую руку. Я попытался выдернуть ее, но его пальцы сжались без

всякого видимого усилия и чуть не раздробили мне кости. Трудно при таких обстоятельствах сохранять свое достоинство. Я не мог бежать или брыкаться, как мальчишка, и не мог атаковать это чудовище, угрожавшее целости моей руки. Мне ничего не оставалось, как стоять смиренно и перенести это унижение. Я имел время заметить, что из карманов умершего вещи были вынуты на палубу, и труп с его саркастической усмешкой скрылся из виду в складках холста, который Иогансен сшивал толстой белой ниткой, втыкая иглу с помощью надетого на руку кожаного приспособления.

Вольф Ларсен презрительно отпустил мою руку.

— Руки умерших сделали их такими нежными. Они годны только для мытья посуды и работы на камбузе.

— Я хотел бы сойти на берег, — решительно заявил я, овладев собой. — Я уплачу вам сумму, в какую вы оцените вашу задержку и труд.

Он с любопытством поглядел на меня. Насмешка светилась в его глазах.

— Я тоже хочу сделать вам предложение, и притом для вашего же блага. Мой штурман умер, и у нас будет много перемещений по службе. Один из матросов займет место штурмана, юнга повысится в чин матроса, а вы замените юнгу. Мы подпишем условие на этот рейс — двадцать долларов в месяц и харчи. Ну, что вы скажете? Заметьте, что это для вашего же блага. Вы станете человеком. Вы научитесь за это время стоять на своих ногах и, может быть, даже ковылять немного.

Я не обратил внимания на эти слова. Замеченные мною на юго-западе паруса выросли и вырисовывались все яснее и яснее. Они принадлежали такой же шхуне, как и «Призрак», хотя, насколько я мог видеть, корпус судна был меньше. Шхуна, которая, покачиваясь, скользила нам навстречу, представляла красивое зрелище и, очевидно, должна была пройти совсем близко. Ветер быстро крепчал, и солнце, послав несколько мигающих лучей, скрылось. Море приняло тусклый свинцово-серый цвет, забурлило и начало взбрасывать к небу клочья белой пены. Шхуна прибавила ходу и глубже ныряла в волнах. Во время одного из порывов ветра вода плеснула через борт и хлынула на ближайшую часть палубы, заставив нескольких охотников поспешно поджать ноги.

— Это судно скоро пройдет мимо нас, — сказал я, помолчав. — Оно идет в обратную сторону и, вероятно, направляется в Сан-Франциско.

— Весьма возможно, — отозвался Ларсен и, отвернувшись от меня, закричал: — Кок! Эй, кок!

Томас Мэгридж вынырнул из камбуза.

— Где этот юнга? Скажите ему, что я его зову.

— Да, сэр, — и Томас Мэгридж, умчавшись на корму, исчез в другом люке около штурвала. Через секунду он снова показался на палубе, а за ним шел коренастый парень восемнадцати или девятнадцати лет, с мрачным и злобным выражением лица.

— Вот он, сэр, — сказал кок.

Но Ларсен, не обращая на него внимания, сразу повернулся к юнге.

— Как тебя зовут, юнга?

— Джордж Лич, сэр, — последовал угрюмый ответ; лицо юнга ясно показывало, что он догадывается, зачем его позвали.

— Совсем не ирландское имя, — буркнул капитан. — О'Тул или Мак-Карти гораздо больше подошло бы к твоей роже. А впрочем, у тебя, верно, со стороны матери был какой-нибудь ирландец в роду.

Молодой человек от обиды сжал кулаки, и кровь прилила к его шее.

— Ну, оставим это, — продолжал Вольф Ларсен. — У тебя могут быть веские причины забыть свое имя, и я от этого не стану хуже к тебе относиться, пока ты делаешь свое дело. Твой постоянный порт — Телеграф-Хилл. Это у тебя на лбу написано. Я вашего брата знаю. Вы там все упрямы как ослы и злы как черти. Но можешь быть спокоен, мы здесь тебя переделаем. Понял? Кстати, кто тебя сдал на службу?

— Мак-Криди и Свенсон.

— Сэр! — загремел капитан.

— Мак-Криди и Свенсон, сэр, — поправился юнга, и глаза его сердито сверкнули.

— Кто получил аванс?

— Они, сэр.

— Я так и думал. И тебе, верно, это доставило огромное удовольствие! Ты, верно, очень спешил в то время, так как узнал, что тобой интересуются кое-какие джентльмены.

В мгновение ока юнга преобразился в дикаря. Он пригнулся, словно для прыжка, на его лице отразилось бешенство, и он зарычал.

— Это вы...

— Что? — спросил Ларсен с необычайной мягкостью в голосе, как будто его одолело любопытство услышать невыговоренное слово.

Юнга колебался, но совладал со своей вспышкой.

— Ничего, сэр. Я беру свои слова назад.

— Ты показываешь мне, что я был прав. — Капитан произнес это с улыбкой удовлетворения. — Сколько тебе лет?

— Только что исполнилось шестнадцать, сэр.

— Врешь. Тебе больше восемнадцати. И то ты велик для своего возраста, и мускулы у тебя лошадиные. Собери свои пожитки и переходи на бак. Будешь матросом. Это повышение, понимаешь?

Не ожидая подтверждения со стороны юнги, капитан повернулся к матросу, который только что справился с печальной задачей зашивания трупа.

— Иогансен, ты что-нибудь смыслишь в навигации?

— Нет, сэр.

— Ну, не беда. Все равно, ты теперь будешь штурманом. Перенеси свои вещи в корму, на штурманскую койку.

— Есть, сэр, — весело ответил Иогансен, выступая вперед. Но прежний юнга все еще не трогался с места.

— Чего же ты ждешь? — спросил капитан.

— Я не подписывал условия на матроса, сэр, — был ответ. — Я подписывал на юнгу. И я не желаю быть матросом.

— Укладывайся и ступай на бак.

На этот раз приказ капитана звучал грозно и властно. Парень мрачно сверкнул глазами, но не двинулся с места.

Тут Вольф Ларсен показал свою чудовищную силу. Все произошло неожиданно, с быстротой молнии. Он сделал гигантский прыжок и ударил юнгу кулаком в живот. В тот же миг я почувствовал острую боль в области желудка, как будто ударили меня самого. Я упоминаю об этом, чтобы показать, как чувствительны были в это время мои нервы и как непривычны были для меня подобные грубые сцены. Юнга — весивший, кстати, не менее ста шестидесяти пяти фунтов — согнулся пополам. Его тело безжизненно повисло на кулаке Ларсена, словно мокрая тряпка на палке. Он был подброшен на воздух, описал

короткую дугу и рухнул на палубу, ударившись о нее головой и плечами. Так он и остался лежать, корчась от боли.

— Ну как? — обратился Ларсен ко мне. — Вы приняли решение?

Я взглянул на приближавшуюся шхуну, которая уже почти поравнялась с нами; ее отделяло от нас не более двухсот ярдов. Это было стройное, изящное суденышко. Я различал крупный черный номер на одном из парусов и, по виденным мною раньше картинкам, сообразил, что это лоцманское судно.

— Что это за судно? — спросил я.

— Лоцманское судно, «Леди Майн», — угрюмо ответил Ларсен. — Оно доставило своих лоцманов и возвращается в Сан-Франциско. При таком ветре оно будет там через пять или шесть часов.

— Будьте добры дать им сигнал, чтобы я мог попасть на берег.

— Очень сожалею, но я уронил свою сигнальную книгу за борт, — ответил капитан, и в группе охотников послышался смех.

Секунду я колебался, глядя ему прямо в глаза. Я видел, как ужасно разделался он с юнгой, и знал, что меня, быть может, ожидает то же самое, если не худшее. Как я уже сказал, я колебался, но потом сделал то, что считаю самым смелым поступком в моей жизни. Я подбежал к борту и, размахивая руками, закричал:

— «Леди Майн», а-о! Возьмите меня на берег! Тысячу долларов за доставку на берег!

Я ждал и смотрел на двоих людей, стоявших у руля: один из них правил. Другой поднес к губам рупор. Я не поворачивал головы, хотя каждую секунду ожидал смертельного удара от человека-зверя, стоявшего за мной. Наконец, когда мне казалось, что прошли уже века, я не выдержал и оглянулся. Ларсен не тронулся с места. Он стоял в той же позе, слегка покачиваясь в такт кораблю и раскуривая новую сигару.

— В чем дело? Что-нибудь случилось? — раздался крик с «Леди Майн».

— Да! — благим матом заорал я. — Спасите, спасите! Тысячу долларов за доставку на берег!

— Мой экипаж слишком угостился водкой во Фриско! — крикнул вслед за мной Ларсен. — Вот этот, — он указал на меня пальцем, — видит уже чертенят и морских змей!

Человек на «Леди Майн» расхохотался в рупор. Лоцманское судно прошло мимо.

— Дайте ему нахлобучку от моего имени! — долетели прощальные слова, и оба человека помахали руками в знак приветствия.

В отчаянии я облокотился на перила, глядя, как стройная маленькая шхуна отделялась от нас все более широкой полосой холодной океанской воды. Она будет в Сан-Франциско через пять или шесть часов! У меня голова шла кругом и ком подступал к горлу. Курчавая волна ударилась о наш борт и соленой влагой брызнула мне на блузу. Ветер налетал свежими порывами, и «Призрак», сильно раскачиваясь, черпал воду подветренным бортом. Я слышал, как вода с шумом врывалась на палубу.

Когда немного спустя я оглянулся, то увидел юнга, с трудом поднимавшегося на ноги. Лицо его было мертвенно-бледно и искажено сдерживаемой болью. Он выглядел совершенно больным.

— Ну, Лич, ты идешь на бак? — спросил капитан.

— Да, сэр, — последовал смиренный ответ.

— А ты? — вопрос относился ко мне.

— Я дам вам тысячу... — начал я, но капитан прервал меня.

— Брось это! Ты согласен приступить к обязанностям юнга? Или мне придется взяться за тебя?

Что мне оставалось делать? Дать себя зверски избить и, может быть, даже совсем укокошить — не имело смысла. Я твердо посмотрел в жестокие серые глаза. Они были словно из гранита, хотя в них отражалась живая человеческая душа. В глазах людей бывают видны их душевные движения, но эти глаза были мрачны и холодны и серы, как само море.

— Ну, что же?

— Да, — сказал я.

— Скажи: да, сэр.

— Да, сэр, — поправился я.

— Как тебя зовут?

— Ван Вейден, сэр.

— Имя?

— Гэмфри, сэр. Гэмфри ван Вейден.

— Возраст?

— Тридцать пять, сэр.

— Ладно. Пойди к коку, и пусть он тебе покажет, что делать.

Так состоялось мое невольное поступление на службу к Вольфу Ларсену: он был сильнее меня, вот и все. Тогда это казалось мне чем-то фантастическим. Эта история не кажется мне менее фантастической и теперь, когда я оглядываюсь назад. Она всегда будет представляться мне чем-то чудовищным и непостижимым, каким-то ужасным ночным кошмаром.

— Подожди.

Я послушно остановился на пути к камбузу.

— Иогансен, собери всех наверх. Теперь, когда у нас все выяснилось, справим похороны и освободим палубу от ненужного хлама.

Пока Иогансен собирал экипаж, двое матросов, по указаниям капитана, положили зашитый в холст труп на доску, служившую крышкой для люка. Вдоль обоих бортов на палубе лежали дном кверху маленькие лодки. Несколько матросов подняли доску с ее жуткой ношей и расположили на этих лодках, с подветренной стороны, так что ноги трупа высывались за борт. К ним привязали принесенный коком мешок с углем.

Похороны на море представлялись мне всегда торжественным и внушающим благоговение событием, но эти похороны резко изменили мое мнение. Один из охотников, темноглазый маленький человечек, которого товарищи называли Смоком, рассказывал анекдоты, щедро сдобренные бранными и непристойными словами. Каждую минуту группа охотников разражалась хохотом, который напоминал хор волков или лай адских псов. Матросы, стуча сапогами, собрались на корме. Свободные от вахты и спавшие внизу протирали глаза и тихонько переговаривались. На их лицах было мрачное и озабоченное выражение. Очевидно, им мало улыбалось путешествие с таким капитаном, начавшееся к тому же при столь неблагоприятных предзнаменованиях. Время от времени они украдкой поглядывали на Вольфа Ларсена, и я видел, что они его побаиваются.

Капитан подошел к доске, и все обнажили головы. Я присматривался к ним — их было всего двадцать человек или двадцать два, считая рулевого и меня. Мое любопытство было извинительно, поскольку мне, по-видимому, предстояло на долгие недели или месяцы быть запертым с этими людьми в этом крошечном плавучем мире. Большинство матросов составляли англичане и скандинавы с

тяжелыми, неподвижными лицами. Лица охотников, изборожденные следами игры необузданных страстей, были более энергичны и разнообразны. Удивительно, но я сразу же заметил, что в чертах Вольфа Ларсена не было ничего порочного. Глубокие борозды на его лице — это были линии решимости и силы воли. Лицо его скорее казалось дружелюбным и открытым, и это впечатление усиливалось тем, что он был гладко выбрит. Я никак не мог поверить — до ближайшего нового случая, — что это лицо того самого человека, который так обошелся с юнгой.

В тот миг, когда он открыл рот, чтобы заговорить, резкий порыв ветра налетел на шхуну и сильно накренил ее. Ветер свистел и пел в снастях. Некоторые из охотников тревожно поглядывали вверх. Подветренный борт, у которого лежал покойник, зарылся в море, и, когда шхуна выпрямилась, вода, перекатившись через палубу, обдала наши ноги до щиколотки. Внезапный ливень обрушился на нас, и каждая капля колола, как градом. Когда шквал пронесло, Вольф Ларсен заговорил:

— Я помню только часть похоронной службы. Она гласит: «И останки да будут опущены в воду». Так вот и опустите их.

Он умолк. Люди, державшие доску, были смущены; видимо, краткость церемонии их озадачила. Но капитан яростно накинулся на них:

— Поднимайте с этого конца, черт вас подери! Какого дьявола вы еще возитесь?

Конец доски был поспешно поднят, и покойник, словно выброшенная за борт собака, ногами вперед, соскользнул в море. Уголь, привязанный к ногам, потянул его вниз. Он исчез.

— Иогансен, — бодрым голосом обратился капитан к новому штурману, — раз уж все наверху, ты и оставь их здесь. Уберите марсея. Нас ожидает зюйд-ост. Возьмите-ка, кстати, рифы у кливера и грота.

Вмиг все на палубе пришло в движение. Иогансен выкрикивал слова команды, матросы тянули и травили всевозможные канаты, и все это было совершенно непонятно для меня, сухопутного человека. Но особенно поразило меня проявленное этими людьми бессердечие. Смерть человека была для них мелким эпизодом, который канул в воду вместе с зашитым в холст трупом и мешком угля, а корабль продолжал

свой путь, и работа шла своим чередом. Никто не был огорчен. Охотники смеялись над каким-то свежим анекдотом Смока. Люди натягивали снасти, а двое полезли на мачту. Вольф Ларсен всматривался в облачное небо с наветренной стороны. А мертвец, позорно умерший, безобразно похороненный, уходил все дальше и дальше в глубину...

Тогда мне вдруг стала ясна жестокость и неумолимость моря. Жизнь показалась мишурой, дешевой забавой, чем-то диким и бессмысленным, каким-то бездушным метанием среди всяческой грязи. Я держался за перила и смотрел через пустынные, пенящиеся волны на туман, скрывавший Сан-Франциско и калифорнийский берег. Дождевые шквалы налетали между мной и этим туманом, скрывая от меня даже его. А это странное судно с его ужасным капитаном, кланяясь и приседая, скользило на запад, в широкие и пустынные просторы Тихого океана.

ГЛАВА IV

Мои старания приспособиться к новой обстановке охотничьей шхуны «Призрак» сопровождались для меня бесконечными страданиями и унижениями. Мэгридж, которого экипаж почему-то называл «доктором», охотники — «Томми», а капитан — коком, стал теперь совсем другим человеком. Перемена в моем положении побудила и его совершенно иначе относиться ко мне. Насколько угодливо и заискивающе он держался раньше, настолько же властным и враждебным стал его тон теперь. Действительно, я больше не был изящным джентльменом, с кожей нежной, как у «леди», а стал обыкновенным и довольно бестолковым юнгой.

Он нелепо требовал, чтобы я называл его «мистер Мэгридж», и был невыносимо груб, когда объяснял мне мои обязанности. Помимо работы в кают-компании с примыкавшими к ней четырьмя маленькими спальнями, я должен был помогать ему на камбузе, и мое полное невежество в вопросах чистки картофеля и мытья грязных горшков служило для него неиссякаемым источником саркастического изумления. Он отказывался считаться с тем, кем я был, или, вернее, с обстановкой и условиями, к которым я привык в своей жизни. Это было частью его позиции по отношению ко мне; и я признаюсь, что, прежде чем окончился день, я уже ненавидел кока сильнее, чем кого бы то ни было.

Этот первый день был для меня тем труднее, что «Призрак», «имея все рифы взятыми» (с подобными терминами я познакомился лишь впоследствии), нырял в волнах, которые посылал на нас ревущий зюйд-ост. В половине пятого я под руководством мистера Мэгриджа накрыл стол в кают-компании, установив предварительно решетку на случай непогоды, а затем начал приносить из камбуза чай и кушанья. По этому поводу я не могу не рассказать о своем первом близком знакомстве с бурным морем.

— Глядите в оба, а то смочет, — напутствовал меня мистер Мэгридж, когда я покидал камбуз с огромным чайником в одной руке и с несколькими караваемы свежее испеченного хлеба под мышкой другой.

Один из охотников, долговязый парень по имени Гендерсон, направлялся в это время в каюту. Вольф Ларсен курил на юте свою неизменную сигару.

— Идет, идет! Держись! — закричал кок.

Я остановился, так как не понимал, что, собственно, «идет», и видел, как дверь камбуза захлопнулась за мной. Потом я увидел, как Гендерсон, словно сумасшедший, бросился к вантам и полез по ним с внутренней стороны, пока не очутился в нескольких футах над моей головой. Потом я увидел гигантскую волну с пенистым хребтом, высоко вздымавшуюся над бортом. Я стоял как раз на ее пути. Мой мозг работал медленно, потому что все было для меня ново и странно. Я только чувствовал, что мне грозит опасность, и застыл на месте, оцепенев от ужаса. Тут Ларсен крикнул мне с юта:

— Держитесь за что-нибудь, Горб!

Но было уже поздно. Я прыгнул к снастям, за которые мог бы уцепиться, но был встречен опускающейся стеной воды. Мне трудно сообразить, что произошло потом. Я был под водой, задыхался и тонул. Палуба ушла из-под ног, и я кувырком куда-то полетел. Несколько раз я натыкался на твердые предметы и жестоко ушиб правое колено. Потом волна вдруг отхлынула, и я снова мог перевести дух. Меня отнесло к камбузу и дальше по проходу, к подветренному борту. Боль в колене была невыносима. Я не мог стоять на этой ноге, или, по крайней мере, мне так казалось. Я был уверен, что она у меня сломана. Но кок уже кричал мне:

— Эй, вы! Долго мне вас ждать? Где чайник? Уронили за борт? Не жаль было бы, если бы вы сломали себе шею.

Я сделал попытку встать на ноги. Чайник был все еще у меня в руке. Я проковылял на камбуз и отдал его коку. Но Мэгридж кипел негодованием — настоящим или притворным.

— Растяпа же вы, я вам скажу. Ну куда вы годитесь, хотел бы я знать? А? Куда вы годитесь? Не можете чай донести, не расплескав. Теперь мне придется заваривать новый.

— Ну, чего вы тут сопите? — через минуту с новой яростью набросился он на меня. — Ножку ушибли? Ах вы, маменькин сынок!

Я не сопел, но лицо у меня было искажено болью. Собрав всю свою решимость и стиснув зубы, я заковылял от камбуза до каюты и обратно без дальнейших инцидентов. Этот случай имел для меня два

последствия: ушибленную коленную чашечку, которая без надлежащего ухода заставила меня страдать много месяцев, и прозвище Горб, которым наградил меня с юта Вольф Ларсен. С тех пор все на шхуне иначе и не называли меня, пока я так привык к этому, будто это мое имя с первого дня жизни.

Нелегко было прислуживать за столом кают-компаний, где восседали Вольф Ларсен, Иогансен и шестеро охотников. Прежде всего, каюта была мала, и двигаться по ней было тем труднее, что шхуну качало и кидало во все стороны. Но что было особенно тяжело — это полное равнодушие со стороны обслуживаемых мною людей. Я чувствовал, как у меня все сильнее распухает колено, и от боли у меня кружилась голова. В зеркале на стене каюты я видел свое бескровное, искаженное болью лицо. Все сидевшие за столом не могли не видеть моего состояния, но никто не проронил ни слова. Поэтому я был почти благодарен Ларсену, когда, застав меня после обеда за мытьем тарелок, он бросил мне:

— Не обращайтесь внимания на такие пустяки. Со временем вы привыкнете. Немного, может быть, и покалечитесь, но зато научитесь ходить. Вы назвали бы это парадоксом, не правда ли? — добавил он.

По-видимому, он остался доволен, когда я утвердительно кивнул и ответил обычным: «Да, сэр».

— Вы, кажется, кое-что смыслите в литературе? Ладно. Я как-нибудь побеседую с вами.

С этими словами он повернулся и вышел на палубу. Когда вечером я справился со своей бесконечной работой, меня послали спать на кубрик, где для меня нашлась свободная койка. Я был рад лечь и хоть на время уйти от несносного кока. К моему удивлению, платье высохло на мне, и я не замечал ни малейших признаков простуды ни от последнего купанья, ни от продолжительного пребывания в воде после катастрофы с «Мартинесом». При обычных обстоятельствах после всего испытанного мною мне пришлось бы лежать в постели под наблюдением сиделки.

Однако колено очень беспокоило меня. Мне казалось, что коленная чашечка сместилась под давлением опухоли. Я сидел на своей койке и рассматривал колено (все шесть охотников помещались тут же: все они курили и громко разговаривали), когда мимо прошел Гендерсон и мельком взглянул на меня.

— Выглядит неважно, — заметил он. — Обвяжите тряпкой, тогда пройдет.

И все! Будь это на суше, я бы лежал в постели, а надо мной склонился бы хирург, который уговаривал бы меня отдыхать и ни в коем случае не шевелиться. Но справедливости ради я должен заметить, что с таким же равнодушием они относились и к собственным страданиям. Я объясняю это, во-первых, привычкой, а во-вторых, тем, что их организм действительно менее чувствителен. Я вполне убежден, что хрупкий и нервный человек страдает в подобных случаях несравненно сильнее.

Несмотря на усталость и, можно сказать, полное изнеможение, боль в колене не давала мне уснуть. Я с трудом удерживался от стонов. Дома я, наверное, дал бы выход своей боли, но эта новая, стихийно-грубая обстановка невольно внушала мне необыкновенную сдержанность. Подобно дикарям, эти люди стоически относились к серьезным вещам, а в мелочах напоминали детей. Во время дальнейшего путешествия мне пришлось видеть, как Керфуту, одному из охотников, раздробило палец, и он не только не издал ни звука, но даже не изменился в лице. И тем не менее я неоднократно видел, как тот же Керфут приходил в бешенство из-за пустяков.

Так вот, и теперь он орал, вопил, размахивал руками и ругался — все по поводу спора с другим охотником о том, инстинктивно ли научается тюлений детеныш плавать. Он утверждал, что это умение присуще маленькому тюленю с первой же минуты его появления на свет. Другой же охотник, Лэтимер, тощий янки с хитрыми, узко прорезанными глазками, полагал, напротив, что тюлень потому и рождается на суше, что не умеет плавать, и, конечно, матери приходится учить его плавать, как птицам — учить своих детенышей летать.

Остальные четыре охотника сидели облокотившись на стол или лежали на своих койках, прислушиваясь к спору, который очень интересовал их, и временами вступая в него. Иногда они начинали говорить все сразу, и голоса их наполняли гулом тесную каюту, точно раскаты бутафорского грома. Насколько детской и несерьезной была тема, настолько же детской и несерьезной оказалась их манера спорить. Собственно говоря, они не приводили никаких аргументов и ограничивались голословными утверждениями и отрицаниями. Они

доказывали умение или неумение новорожденного тюленя плавать, просто высказывая свое мнение с воинственным видом и сопровождая его лишенными здравого смысла выпадами против национальности или прошлого своего противника. Я рассказал это, чтобы показать умственный уровень людей, с которыми я вынужден был общаться. Они обладали детским интеллектом, будучи взрослыми физически.

Они непрестанно курили грубый и зловонный дешевый табак. Воздух был наполнен тяжелым дымом. Этот дым и сильная качка боровшегося с бурей судна могли бы довести меня до морской болезни, если бы я был подвержен ей. Во всяком случае, я чувствовал себя скверно, хотя причиной испытываемой мною тошноты могли быть и боль в ноге или утомление.

Лежа на койке и предаваясь своим мыслям, я, конечно, больше всего думал о своем настоящем положении. Это неслыханно, чтобы я, Гэмфри ван Вейден, ученый, любитель искусства и литературы, вынужден был валяться здесь, на какой-то шхуне, направлявшейся в Берингово море бить котиков. Юнга! Я никогда в жизни не занимался грубой физической, а тем более кухонной работой. Я всегда вел тихий, монотонный, сидячий образ жизни — жизнь обеспеченного ученого, затворника, существующего на приличный доход. Житейская суета и спорт никогда не привлекали меня. Я всегда был книжным червем. Мои сестры и отец с детства называли меня так. Я только раз в жизни принял участие в экскурсии, да и то сбежал в самом начале и вернулся к комфорту и удобствам оседлой жизни. И вот передо мной теперь открывалась печальная перспектива бесконечного накрывания столов, чистки картофеля и мытья посуды. А ведь я вовсе не был силен. Доктора всегда говорили, что я замечательно сложен, но я никогда не развивал своего тела упражнениями. Мои мускулы были слабы, как у женщины, по крайней мере, доктора постоянно указывали на это, когда пытались убедить меня заняться гимнастикой. Но я предпочитал упражнять голову, а не тело. И я совсем не был приспособлен к предстоявшей мне тяжелой жизни.

Я привожу лишь немногие из приходивших мне тогда в голову мыслей и делаю это для того, чтобы заранее оправдаться за ту беспомощную роль, какую мне суждено было играть.

Думал я также о своей матери и сестрах и представлял себе их горе. Я был одним из пропавших после катастрофы с «Мартинесом»,

меня, несомненно, причислили к ненайденным трупам. Я мысленно видел заголовки газет, видел, как мои приятели в университетском клубе покачивают головами и говорят: «Вот бедняга!» Видел я также и Чарли Фэрасета в минуту прощания, в то роковое утро, когда он полулежал в халате на мягком диванчике под окном и изрекал пророческие, пессимистические эпитафии.

А в это время шхуна «Призрак», раскачиваясь, ныряя, взбираясь на движущиеся горы и проваливаясь в бурлящие пропасти, прокладывая себе путь в самом сердце Тихого океана... и уносила меня с собой. Я слышал свист ветра в снастях. Он доходил до моего слуха, как заглушенный рев. Иногда над головой раздавался шум шагов. Кругом все стонало и скрипело, деревянные части и соединения кряхтели, визжали и жаловались на тысячу ладов. Охотники все еще спорили и бушевали, словно какие-то человекоподобные земноводные. Ругань висела в воздухе. Я видел их разгоряченные и раздраженные лица в искажающем тускло-желтом свете ламп, раскачивавшихся вместе с кораблем. Сквозь облака дыма койки казались логовищами диких животных. Клеенчатые плащи и морские сапоги висели по стенам; там и сям на полках лежали винтовки и дробовики. Это напоминало боевое снаряжение морских разбойников былых времен. Мое воображение разыгралось и не давало мне уснуть. Это была долгая, долгая утомительная и тоскливая ночь.

ГЛАВА V

Эта первая ночь в каюте охотников была также и последней. На другой день новый штурман Иогансен был изгнан из каюты капитана и переселен в каюту к охотникам. Поэтому и я перебрался в маленькую каюту, в которой уже было двое обитателей. Охотники быстро узнали причину этой перемены и остались ею очень недовольны. Оказалось, что Иогансен каждую ночь во сне переживает все свои дневные впечатления. Вольф Ларсен не мог перенести его непрерывной болтовни и командных окриков и поэтому предпочел переложить эту неприятность на охотников.

После бессонной ночи я встал слабый и измученный. Томас Мэгридж поднял меня в половине шестого с такой грубостью, с какой не будят даже собаку. Но за эту грубость он тут же был награжден с лихвой. Поднятый им без всякой надобности шум — я всю ночь не смыкал глаз — разбудил кого-то из охотников; тяжелый башмак просвистел сквозь тьму, и мистер Мэгридж, взыв от боли, начал униженно рассыпаться в извинениях. Потом, в камбузе, я увидел его окровавленное и распухшее ухо. Оно никогда не вернулось к своей нормальной форме, и моряки прозвали его «капустным листом».

День для меня был полон неприятностей. Я взял из камбуза свое высохшее за ночь платье и первым делом поспешил сбросить с себя вещи кока. Потом я посмотрел, на месте ли мой кошелек. Кроме мелочи (у меня хорошая память) там лежало сто восемьдесят пять долларов золотом и бумажками. Кошелек я нашел, но его содержимое, за исключением мелкого серебра, исчезло. Я заявил об этом коку, когда вышел на палубу, чтобы приняться за работу, и хотя не ожидал вразумительного ответа, тем не менее был захвачен врасплох обрушившимся на меня воинственным красноречием:

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ